

СЮЖЕТ ОБ ЭДИПЕ: ПАРАДОКСЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Олег Борисович Заславский

доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (Харьков, Украина)
e-mail: zaslav@ukr.net

Аннотация. Рассмотрена структура сюжета мифа об Эдипе. Из целого ряда известных источников мы отбираем ряд элементов, которые и образуют сюжет, являющийся предметом нашего анализа. Сюда относятся: 1) прокалывание ног Эдипа и его перемещение на гору Киферон, 2) роковое столкновение Эдипа с Лаем на перекрестке трех дорог, 3) загадка Сфинги и ответ Эдипа, 4) самоубийство Сфинги, 5) воцарение Эдипа в Фивах, 6) его выяснение собственной истории, 7) самоубийство Иокасты, 8) самоослепление Эдипа. В сюжете есть целый ряд соответствий, связанных с числом 3. В загадке, которую решает Эдип, указаны три стадии неизвестного существа, которые могут быть соотнесены с тремя стадиями человеческой жизни – младенчеством, зрелостью, старостью. В Сфинге интегрированы в единое целое три составляющих: «человек + лев + птица». Эдип совершает убийство Лая на перекрестке трех дорог. Показано, что инцест и столкновение с неузнанным отцом получают в структуре мифа «математическое» выражение, связанное с редукцией такой тернарной структуры: значимые элементы и фазы, в норме отдельные (сын и муж, зрелый мужчина и старец), сливаются в точку, что представляет собой сингулярное преобразование. Другой его случай состоит в отображении общечеловеческой истории (с необходимостью континуальной) на дискретную последовательность из трех фаз в индивидуальной истории Эдипа. Обсуждаются аспекты загадки Сфинги, на которые, по-видимому, не обращалось должного внимания. Признак, по которому классифицированы разные стадии человеческой жизни в загадке Сфинги, связан с ногами. В свою очередь, мотив ног может быть сопоставлен с мотивом наличия или отсутствия опоры. Как содержание загадки, так и сам процесс загадывания-отгадывания может быть также соотнесен с расследованием, которое в дальнейшем проводит Эдип.

Ключевые слова: миф об Эдипе, структура, сюжет, сюжетный инвариант.

Введение

Та общекультурная роль, которую приобрел миф об Эдипе, существенно затемнила вопросы о смысле и структуре самого мифа, переключив с них внимание на весьма произвольные его интерпретации. В первую очередь это касается психоаналитической точки зрения. Как указано в обзоре [Мелетинский], «за пределами психоанализа остается очень мало». О ситуации с изучением в более позднее время (преимущественно также проходящим мимо вопросов структуры) см. п. 1 в Endnotes работы [Catenaccio: 105]. Делались попытки увязать сам этот миф с исторической практикой престолонаследования [Пропп]. Однако уже то обстоятельство, что в данном мифе речь идет о явных аномалиях, делает сомнительной возможность объяснить соответствующий сюжет отражением нормативной практики (на индивидуально-психологическом или социальном уровне): «Попытки найти объяснение этому сюжету в исторической или этнографической действительности <...> явно не соответствуют материалу, т. к. incestный сюжет связан именно с нарушением запрета» [Левинтон 1987: 546]. Так или иначе, любому выводу о социальном значении того или ино-

го мифа должно, в идеале, предшествовать изучение его внутренней структуры.

Важнейший шаг был здесь сделан Леви-Строссом в его классической работе 1955 г. “Structure of myths” (в которой, впрочем, сам Леви-Стросс рассматривал разбор данного мифа лишь как иллюстрацию общих методов) – см. ее русский перевод [Леви-Стросс]. Следующий принципиальный шаг был сделан в работе [Turner]. В ней (наряду с критическим разбором самой работы Леви-Стросса) был проведен подробный и глубокий структурный анализ этого мифа. При этом было обращено внимание на детали, которые до того оставались не отмеченными или не сведенными в систему¹.

Некоторые из наблюдений, касающихся исследования собственно структуры данного мифа, были не раз переоткрыты, уточнены или переинтерпретированы. В том числе это касается соотношения между загадкой Сфинги и судьбой самого Эдипа [Фрейденберг: 602; Топоров: 256–258; Пимонов, Славутин; Славутин, Пимонов: 91, 92], см. также англоязычную литературу, приведенную в недавней работе [Пимонов 2019а]. Другой вопрос, на котором не раз фокусировались исследователи, – это соотношение между Сфингой

¹ Замечательная работа Тернера содержит тем не менее ряд утверждений, которые вызывают у нас возражения. Они обсуждаются далее в основном тексте статьи.

и Иокастой [Turner: 47; Аверинцев: 97; Пимонов, Славутин; Славутин, Пимонов: 89]. Даже если интересоваться только чисто структурным разбором, здесь остается ряд вопросов и противоречий. Некоторые из них были обрисованы в недавней работе [Пимонов 2019б] (подробнее см. далее).

Цель данной работы – дать единый внутренне непротиворечивый анализ структуры сюжета об Эдипе. При этом мы обнаруживаем ряд его парадоксальных черт и, по возможности, даем им содержательную интерпретацию. Наш анализ носит исключительно структурный характер, без апелляции к исторической конкретике. Такой подход представляется нам оправданным, поскольку в этом мифе (как следует уже из предшествующих упомянутых выше работ и будет далее продемонстрировано в данной) очень многое представляет собой культурные универсалии. Попутно мы обсуждаем некоторые наблюдения предыдущих работ, но уточняем их интерпретацию, а также добавляем новые. Мы не касаемся проблемы инцеста во всей ее полноте, а сосредотачиваемся почти исключительно на мифе об Эдипе.

Инвариант и его реализации

Прежде чем начинать обсуждения данного мифа и его сюжета, мы (хотя бы не вполне строго) очертим набор его основных элементов, рассматриваемых в нашей работе. Обзор основных античных источников дан в рабо-

тах [Пимонов, Славутин; Славутин, Пимонов: 82–87]. Для удобства читателя мы повторим их здесь: это «Одиссея» [Гомер: 127], трагедия Эсхила «Семеро против Фив» [Эсхил: 74–75, 222], трагедия Софокла «Царь Эдип», «Мифологическая библиотека» [Аполлодор: 54–55; Диодор Сицилийский: 65; Гигин: 114–117]. Соответствующие цитаты из них собраны в вышеупомянутой работе Славутина и Пимонова. Кроме того, в этом ряду нужно упомянуть «Финикиянки» Еврипида и «Эдип Сенеки.

Сказанное выше означает, что мы отсекаем предысторию основных событий, связанных с фиванским циклом и линией Хрисиппа (о персонажах от Лабдака до Лая см. эпизоды А – С в работе [Turner: 36–39]). Мы также не принимаем во внимание «Эдип в Колоне» – вторую трагедию Софокла об Эдипе (что, на наш взгляд, потребовало бы отдельного рассмотрения).

Соответственно, в качестве основных элементов сюжета учитываются 1) прокалывание ног Эдипа и его перемещение на гору Киферон, 2) роковое столкновение Эдипа с Лаем на перекрестке трех дорог (Эдип шел из Дельф в Фивы, Лай – в противоположном направлении), 3) загадка Сфинги и ответ Эдипа, 4) самоубийство Сфинги, 5) воцарение Эдипа в Фивах, 6) его выяснение собственной истории, 7) самоубийство Иокасты, 8) самоослепление Эдипа. (В связи с общеизвестностью предмета мы сейчас опускаем подробно-

сти; они легко могут быть восстановлены из упомянутых источников, которые удобным образом сведены в одно место в цитированных выше работах Пимонова и Славутина.) Таким образом, предметом анализа является условно сконструированный текст (далее мы для краткости будем по отношению к нему употреблять термин «текст»), в котором присутствуют все перечисленные элементы. Соотношение между таким условным текстом и источниками, упомянутыми выше, можно рассматривать как соотношение между инвариантом и его реализациями по аналогии с тем, что типично для фольклористики [Левинтон, 1975: 309; Иванов, Топоров]. Хотя в данном случае такой условный текст носит комбинированный характер, поскольку в него включаются как записи мифологических источников, так и произведения художественной литературы¹.

Двойной смысл загадки Сфинги: история человека и история Эдипа

В загадке, которую решает Эдип, указаны три разные фазы превращений одного и того

же существа, которые Эдип в своей разгадке соотносит с тремя стадиями человеческой жизни в ее развитии – младенчеством, зрелостью, старостью (далее для краткости – ИЧ, история человека). Вместе с тем, как неоднократно отмечалось, содержание загадки Сфинги связано также с индивидуальной историей Эдипа (далее для краткости ИЭ, история Эдипа)². В рамках обсуждаемого текста старость Эдипа не наступает вообще (она встречается только в «Эдипе в Колоне», который, как мы уже сказали, находится за пределами нашего рассмотрения). Как же тогда охарактеризовать ИЭ, как сравнивать обе истории и чем они отличаются?

В ИЧ эволюция и связанный с этим переход от одной стадии развития к другой происходят как функция времени в соответствии с законами природы. В первой фазе младенец еще не стал на две ноги, в третьей фазе старец уже не может ходить на двух и нуждается в третьей «ноге»³. В ИЭ характерные свойства субъекта проявляют себя не из-за законов природы, а вопреки им: в первой фазе младенец не может ходить из-за

¹ Соответственно, мы отвлекаемся от реальной истории развития мифа об Эдипе и его элементов, в частности от динамики появления Сфинги в складывающемся сюжете (см. об этом [Edmunds 1995]).

² В частности здесь проявляет себя пророческая роль загадки Сфинги [Пимонов, Славутин 2011].

³ Здесь действует закономерность: чем больше ног, тем существо (человек) слабее, чем меньше – тем сильнее [Пимонов 2019 а: 78].

того, что покалечен, в третьей фазе персонаж калечит себя сам. В результате природный фактор слабости ног вообще остается не обнаружимым на таком фоне, затруднения с передвижением в основном проистекают из совершенной агрессии (или самоагрессии).

Особенно интересна с рассматриваемой точки зрения вторая фаза в ИЭ. В ней Эдип убивает Лая (который на самом деле приходится ему отцом), причем как раз предметом, который в ИЧ характерен для третьей фазы. Поэтому ИЭ можно охарактеризовать по роли персонажа в акте агрессии. В первой фазе он – ее объект, во второй – субъект, в третьей объект и субъект сливаются воедино в самоослеплении.

Поэтому в том, что касается сюжета о переменном числе ног (как он представлен в загадке Сфинги), **ИЭ представляет собой тотальную деформацию универсального сюжета человеческой жизни.** Соответственно, **ИЧ и ИЭ можно рассматривать как соотношение «нормальная эволюция (согласно законам природы) – аномальная эволюция (в противопоставлении законам природы)».** Далее мы подробнее остановимся на соотношении ИЧ и ИЭ, в том числе рассмотрим другие аспекты этого.

Тернарная структура и ее редукция

В сюжете есть целый ряд соответствий, связанных с числом 3 [Turner 1969: 42; Пимонов, Славутин 2011; Славутин, Пимонов

2018: 91, 92]. В загадке, которую решает Эдип, указаны три разные универсальные фазы превращений одного и того же существа, связанные с возможностями передвижения. Эдип в своей разгадке соотносит их с тремя стадиями человеческой жизни – младенчеством, зрелостью, старостью. В истории самого Эдипа также оказываются значимыми три состояния. Они представляют собой аномальную трансформацию указанных выше фаз, что в результате и приводит к описанному выше сопоставлению ИЧ и ИЭ. Эдип совершает убийство Лая на перекрестке трех дорог [Софокл, 1970: 147]. Число 3 также характерно и для Сфинги: в ней интегрированы в единое целое три составляющие: «человек + лев + птица».

Существенно, что в сюжете не просто представлено число 3, а происходит совмещение трех элементов в два или даже один.

Инцест. Со стадиями человеческой жизни, подразумеваемыми в загадке, можно сопоставить виды родства, хотя в самой загадке такое сопоставление отсутствует. Тогда первая стадия характеризуется состоянием «сын», а вторая – «муж». В норме эти состояния различны, то есть объекты, по отношению к которым они определены (мать, жена), не совпадают. В этом смысле брак Эдипа с матерью может быть рассмотрен как совмещение двух в норме разных и самостоятельных состояний 1 и 2 в одной точке.

Самоослепление. Его можно охарактеризовать относительно шкалы, связанной со способностью к передвижению, – свойством, которое в некотором смысле обобщает сказанное в загадке Сфинги о переменном числе ног. Прокалывание глаз резко снижает возможности Эдипа в этом отношении. Однако при этом он находится в зрелом возрасте, характеризуем (в норме) максимальными возможностями ходьбы. Поэтому самоослепление можно рассматривать как функциональное совмещение второй и третьей стадий на упомянутой шкале. Но оно же приводит и к совмещению третьей фазы с первой: вскоре после рождения Эдип был лишен возможности нормально пользоваться своими ногами из-за их прокалывания, а в финальной фазе сюжета прокалывает свои глаза, что, опять-таки, не может не сказаться на его возможностях передвижения.

На перекрестке, где совершается убийство, три разные дороги совмещаются в одной точке – как в одной точке совмещаются три стадии жизни человека в истории Эдипа в результате его самоослепления. Когда две ноги младенца Эдипа скрепляются по приказу Лая в одно целое – это еще одно «сингулярное преобразование», переводящее 2 в 1.

Тернер рассматривает скрещение трех дорог как символ перехода от поколения к по-

колению [Turner: 41, 42]. Однако здесь присутствует и более глубокое, и более абстрактное свойство, для понимания которого нет необходимости прибегать к интерпретации, основанной на символическом представлении биологических или социальных процессов. Это – сведение возможных трех вариантов к одному актуальному как самостоятельное структурное свойство. (Кроме того, как мы увидим далее, сама символическая трактовка Тернера, представляется нам здесь не вполне адекватной.)

Уже были приведены, в том числе с примерами, дискретные характеристики, которые могут быть описаны числами, причем фундаментальными – 1, 2, 3. Соответствующие множества являются счетными, состоящими из конечного небольшого числа элементов. При этом пространство большей размерности превращается по ходу развертывания сюжета в пространство меньшей размерности: трехмерное в двумерное или даже одномерное. Но помимо этого редукция охватывает и множества континуального характера. Здесь выделяются две таких операции. Во-первых, согласно содержанию загадки, которую задает Сфинга, вся жизнь человека (то есть вся его непрерывная «траектория») отображается в одном дне¹. Во-вторых, соответствие между общими свойствами человека

¹ Строго говоря, здесь мы делаем дополнительное допущение о значимости такой метафоры, так как прямое уподобление жизни одному дню в текстах об Эдипе отсутствует.

и судьбой героя [Turner: 42; Пимонов, Славутин; Славутин, Пимонов: 90–92] может быть описано как отображение всего множества людей в одном элементе¹.

Все эти числовые и геометрические соответствия могут быть увязаны с центральным моментом мифа – инцестом. И наоборот, тем самым инцест может быть описан формально – как сингулярное преобразование. Оно состоит в том, что значимые элементы и фазы человеческой жизни, в норме разделенные (сын и муж), сливаются в точку, что представляет собой сингулярное преобразование. При этом ключевое свойство – редукция, то есть отображение исходной системы (нормальной семьи, где состояния «сын» и «муж» разделены) на пространство с меньшим числом измерений. Слияние отдельных элементов в точку представляет собой даже более общее явление, так как помимо инцеста оно характеризует и функциональное совпадение второй и третьей стадий человеческой жизни. Эдип, будучи в зрелом возрасте, прокалывает себе глаза, что приводит к трудностям при передвижении, что свойственно человеку в старости. В этом смысле сливаются различные поколения и состояния (выделенные точки на оси времени, отвечающие разным функциональным ролям человека). Здесь мы несколько расходимся с Тернером

[Turner], который неоднократно упоминает о препятствиях к нормальному переходу между поколениями (“generational passage”). Все же точнее сказать, что переход совершается – но не нормальным, а сингулярным образом, с деформацией индивидуальной истории и слиянии в ней самих опорных точек на оси времени.

Ранее уже не раз подчеркивалось, что эдиповский сюжет связан с протиестественным приравниванием различных в норме несовместимых элементов, в частности функций сына и мужа, совмещением поколений и т. д. [Vernant: 492–494]. Недавно это обстоятельство вновь было подчеркнуто и перенесено на другие элементы сюжета. В «Царе Эдипе» Софокла встречается эпизод, где Эдип в разговоре с Иокастой выражает надежду, что убийцей был не он, и в подтверждение ссылается на то, что, согласно показаниям свидетеля, Лай был убит не одним человеком, а несколькими [Эдип: 33–34]. Это может быть описано формулой «один равен многим» [Пимонов 2019б: 77]. При этом «по ходу сюжета выясняется, что Эдип (один) все-таки равен многим: он одновременно и сын, и муж своей матери, и отец, и брат своим детям» (там же). В этом смысле нами дано обобщение предыдущих наблюдений, а также объединение различных эпизодов

¹ Хотя человечество состоит из конечного числа отдельных людей, в данном случае такой дискретностью и конечностью можно пренебречь.

в единое целое. Приведенные в цитированных выше работах наблюдения и формулировки полностью согласуются с природой сингулярного преобразования, описанного нами ранее, поскольку множество элементов преобразуется в другое множество с их меньшим числом.

При этом мы хотим обратить внимание на следующий нюанс. Когда один Эдип приравнивается нескольким разбойникам (пусть даже воображаемым), происходит сопоставление различных физических элементов. Однако в том, что касается статусов мужа и сына, их стягивание в одну точку осуществляется для одного и того же персонажа между различными его состояниями. Тем самым имеют место два типа сингулярного преобразования, которое в одном случае затрагивает денотаты, имеющие физическое выражение, а в другом – носит чисто логический характер, связывая между собой разные статусы.

Учет абстрактной подосновы позволяет увязать между собой содержание загадки Сфинги, структуру самой Сфинги и судьбу Эдипа. В результате число 3 выступает как минимальная константа, обеспечивающая самоидентификацию человека и его нормальное бытие – через роль этой константы в индивидуальном развитии и семейных отношениях. Миф об Эдипе как раз и показывает, к чему приводит «попытка» уменьшить значение такой константы.

Таким образом, мы имеем дело с превращением полной системы, состоящей из трех элементов, в редуцированную, состоящую из меньшего числа базовых элементов. Во избежание недоразумений уточним: не следует это путать с эффектом, рассмотренным Ю.М. Лотманом, также связанным с редукцией [Лотман]. Эффект, который анализировал Лотман, касается поведения ребенка и состоит в переводе семиотической системы с большим алфавитом на язык системы с меньшим. Лотман делал упор на критике фрейдизма, неправомерно «подсовывающей» миф об Эдипе в качестве универсального ключа, объясняющего раннюю эволюцию психологии человека. Однако любопытно, что явление редукции полной системы в свою часть проявляет себя не только в объяснении поведения ребенка на языке этого мифа (некорректном, как следует из объяснений Лотмана), но и во внутренней структуре самого мифа.

В рассматриваемом контексте Сфинга составляет оппозицию Эдипу в следующем смысле. У Эдипа монструозность (совмещение в норме несовместимого) возникает, когда совмещаются разные стадии и функции (которые в норме должны быть различны), что связано с числовой редукцией, описанной выше. Поскольку данное явление касается эволюции во времени, можно назвать это диахронной монструозностью. Что же касается Сфинги, то там ее три взаимно несовме-

стимых (в норме) компонента (человеческое лицо, лев, птица) совмещены одновременно, что можно назвать синхронной монструозностью.

Парадокс с числом ног

Ранее высказывалось мнение, что в загадке Сфинги содержится предсказание индивидуальной судьбы Эдипа в рамках данного сюжета. Оно разделялось Фрейденом [Фрейденом: 602], Топоровым [Топоров: 356–258] и рядом современных исследователей [Пимонов, Славутин; Славутин, Пимонов]. Недавно появилась новая статья [Пимонов 2019б], в которой это соответствие обсуждается вновь (в том числе со ссылками на ряд относительно недавних англоязычных работ). В статье указаны трудности в его интерпретации и предложен путь их решения. Там утверждается, что число ног и их последовательность в загадке Сфинги не совпадает с тем, что видно в эдиповском сюжете, изложенном в пьесе Софокла «Царь Эдип», поскольку функционально Эдип там все время является только трехногим [Пимонов 2019б: 72]. Чтобы разрешить эту трудность, Пимонов предложил новый подход – рассматривать в качестве единого текста две трагедии сразу – не только «Царь Эдип», но и «Эдип в Колоне». В рамках такого комбинированного текста исследователем представлен вариант решения, в котором соответствие восстанавливается и встречается набор чисел 4,

2 и 3, хотя и в измененной (обратной) последовательности.

Хотя, в принципе, подход к двум трагедиям как единому целому во многом правомерен, это, по-видимому, не имеет прямого отношения к вопросу о загадке Сфинги. Мы не станем углубляться в тему соотношения обеих трагедий – данный достаточно сложный и важный вопрос требует отдельного изучения. Главное же – в данном случае в этом нет необходимости: по нашему мнению, как мы увидим ниже, решение содержится в уже имеющемся сюжете. (Который включает «Царя Эдипа» и предшествующие мифологические источники – напомним, что их краткий, но содержательный обзор присутствует в [Пимонов, Славутин; Славутин, Пимонов].)

Мы полагаем, что проблема, связанная с числом ног, может быть решена следующим образом. С одной стороны, Эдип действительно оказывается «трехногим» в том смысле, что а) сначала у него в самом раннем детстве функционально три конечности (две руки + одна «нога», представляющая собой скрепленные воедино две «стреноженных» ноги), потом б) он оказывается странником с посохом, вступившим в схватку с Лаем и его свитой, и в) потом – слепцом, который будет вынужден опираться на посох. (При этом даже без обращения к «Эдипу в Колоне» – что сделано в [Пимонов 2019б] – оказывается, что двуноготь и четырехноготь от-

нюдь не исключены, на чем и построена ранняя работа Пимонова и Славутина 2011 г.)

Рассмотрим сначала стадию а). Поскольку приемная мать Мeroпа излечивает Эдипа и, очевидно, освобождает его ноги, то он из трехногого становится (как любой младенец, ползающий на четвереньках) четвероногим.

Перейдем к случаю б). посох – это обычный атрибут путника, покрывающего более-менее большие расстояния пешком¹. В наличии посоха нет ничего специфического ни в общем смысле (для «человека» из загадки Сфинги), ни в частном (в том, что касается индивидуальной судьбы Эдипа). Однако посох, разумеется, в эпизоде столкновения представляет собой существенный элемент, причем как для Эдипа, так и Лая. Вступив в схватку с незнакомцем, победив его ударом посоха и расчистив себе дорогу для дальнейшего прохода, Эдип как бы проходит экзамен (своего рода инициацию) на взрослого мужчину. А в перспективе последующих событий – и царя, поскольку занимает его место. Физически Эдип был «двуногим» еще перед столкновением. Но только сейчас происходит символическое превращение персонажа из трехногого в «настоящего» двуногого.

Рассмотрим теперь в). Хотя это прямо не указано в тексте «Царя Эдипа», ясно, что

в качестве царя Эдип имеет свой царский скипетр – знак власти и силы, оккультров, причем это слово означает и палку для ходьбы, и скипетр, и посох слепца. (Скажем, он встречается в «Эдипе в Колоне», где упоминается тот, «кто скипетром владеет и престолом», пер. С. Шервинского [Софокл 1988: 115].). В этом смысле он как обладатель скипетра функционально является трехногим. Однако, ослепив себя, он становится трехногим уже в другом смысле (из-за посоха слепца). (Согласно [Пимонов, Славутин], именно потребность в посохе слепца, а не просто «старость», проявляет профетическую функцию «трехности» в загадке Сфинги, которая реализована в жизни Эдипа после его самоослепления). Здесь трехность – уже признак физической слабости, неполноценности. Таким образом, **одно и то же по физическим, внешним параметрам качество – трехность – на самом деле скрывает под собой два принципиально разных или даже противоположных состояния (связанных с силой и слабостью).**

Чтобы адекватно описать состояние Эдипа и его динамику, **следует учитывать не одну последовательность, а две разные.** Это можно сделать формулой $3 \rightarrow N$, где $N = 4, 2, 3$ – то есть в точности как в загадке Сфинги, причем в той же самой последовательности! Или

¹ Чтобы пройти из Коринфа до Дельф, потребовался бы целый день.

можно представить «траекторию» Эдипа, проходящую через ключевые точки, как две строки одна под другой:

3 3 3

4 2 3

Скрытая двойная структура и является ключевым пунктом. А роль числа 3 как фундаментальной константы проявила себя и здесь.

В выписанном выше соотношении, если сопоставлять обе цепочки, один член является нормальным и один – аномальным. Прокалывание ног и стреноживание – это акт аномальный, но в результате лечения получается нормальное число ног¹. Идти с посохом – это нормально для странника. Но совершить убийство, а тем более убить отца, – это аномалия. Царский скипетр – для царя это нормально, ослепить себя и из-за этого ходить с посохом – это аномалия.

Сделанные выше наблюдения имеют важное следствие. В загадке Сфинги действительно переплетаются два мини-сюжета – о человеке вообще и конкретно об Эдипе. Его профетический характер (особый акцент на котором был сделан в [Пимонов, Славутин; Славутин, Пимонов: 91, 92]) подтверждается.

Это чрезвычайно важно, поскольку здесь мотив неясной идентификации выражает себя не на уровне персонажей («кто есть кто»), а на более абстрактном уровне двух интерпретаций – «это о человеке или конкретно об Эдипе?».

Эпизод столкновения и мотив бифуркации

Столкновение Эдипа и Лая произошло в точке, где сходятся три дороги, то есть точке бифуркации. Тернером было отмечено, что число 3 и мотив пространственного раздвоения проявляет себя неоднократно – в раздвоенном конце посоха, которым Лай пытался ударить Эдипа, в трех возрастах человека из загадки Сфинги², что проявляется и на более абстрактном уровне как раздвоение («бифуркация») ролей. С одной стороны, Лай является неузнанным отцом – но именно для того, чтобы защитить своего отца от гибели, Эдип и предпринял свое путешествие в Фивы. С другой стороны, Лай, с точки зрения Эдипа, проявил себя по отношению к нему в эпизоде встречи как враждебный чужеземец [Turner: 43].

Все эти соответствия Тернер, согласно с основной идеей своей работы, рассматри-

¹ Идея о том, что Эдип-младенец был именно «стреножен», что реализует мотив «трехногости», обозначенный в загадке Сфинги, высказана в [Пимонов 2019 b, 72–73] и развита в [Пимонов 2020].

² “The forked motif is repeated (at least in the Sophoclean version of the episode) in the goad with which Laios tries to knock Oedipus off the road. The number three reappears in the riddle of the Sphinx, in the form of the three ages of man, i.e. the three generations through which a man lives in a lifetime” [Turner: 42]).

ваает в духе мотива прохождения человека через разные поколенческие фазы. С этим трудно согласиться. Процесс прохождения индивидуума через разные стадии (поколения) – это процесс линейный и детерминированный. Вместе с тем на перекрестке в рассматриваемом эпизоде сходятся три разные дороги, имеет место раздвоение и, в принципе, возможность выбора. Можно предположить (хотя прямо это не сказано), что конфликт произошел не просто из-за узости дороги, где было трудно разминуться человеку и колеснице, а из-за того, что Эдип отказался отойти на третью дорогу, хотя такая возможность у него была. Тогда не состоялись бы столкновение отца с сыном, последующий инцест и самоослепление. То есть столкновение на перекрестке трех дорог – это критическая точка, в которой сошлись разные потенциальные траектории выбора и судьбы.

По нашему мнению, значимость числа 3 в мифе отнюдь не исчерпывается его приложением к трем разным объектам по отдельности. Более важно то, что в нем реализуется отношение между ними – слияние, слипание

в одну точку и сингулярное преобразование, нарушающее однозначность, о чем мы уже говорили выше в связи с редукцией тернарной структуры. В частности, именно расщепление линейного пути и придает смысл расщеплению образа Лая на разные ипостаси, осуществляя пространственную реализацию поколенческих отношений в образе бифуркации.

В рассмотренном выше эпизоде столкновения Эдипа и Лая проявила себе точка бифуркации на линейном (до этого эпизода) пути. Можно думать, нечто подобное произошло и в случае со Сфингой. Там, помимо участков дороги до и после встречи со Сфингой, получилась и третья «дорога» – это вертикаль, куда Сфинга и бросается со скалы в пропасть¹. Причем троичность здесь присутствует и в структуре персонажа, так как Сфинга сочетает в себе человека, льва и птицу. Мотив бифуркации проявляет себя и в посохе с раздвоенным концом: «...старец, / Мгновенье улучив, когда с повозкой / Я поравнялся – в голову меня / Двойным стрекалом поразил» [Софокл 1990: 32]².

¹ О местоположении Сфинги наверху см.: [Edmunds 1995: 169], прим. 15. Она изображена таким же образом на античных вазах. Положение Сфинги вверху подчеркивал (в другом контексте) Тернер: “Arriving in Thebes, Oedipus finds the city in terror, plagued by the Sphinx, who perches either on a pillar in the market place or on a rocky height by a road” [Turner: 44].

² Укажем в качестве иллюстрации еще один пример с раздвоением, хотя и выходящий за пределы собственно сюжета об Эдипе [Turner: 53]. Прорицатель Тиресий (который является одним из действующих лиц трагедии) когда-то наблюдал за спариванием змей. Он убил женскую особь и был превращен в женщину. Через семь лет он убил змею мужского пола и опять стал мужчиной.

Лейтмотив идентификации

Таким образом, сквозь все произведение проходит проблема идентификации. В сюжете мотив установления адекватной идентификации проявляет себя трижды. Первый раз – в Дельфах, куда Эдип отправляется, чтобы получить объяснение от оракула, кем он является на самом деле. Второй раз – это решение загадки Сфинги. Третий раз – выяснение Эдипом собственной истории, когда он был уже в царском статусе.

Содержание загадки Сфинги – вопрос о правильной идентификации (требовалось указать, кем является существо, о котором спрашивала Сфинга), на который до Эдипа не мог никто ответить. Сама Сфинга служит воплощением невозможности однозначной идентификации, так как представляет собой комбинацию человека, льва и птицы. Неясность идентичности сыграла свою роковую роль и в эпизоде столкновения Эдипа и Лая.

Существенные аспекты проблемы идентификации связаны с тем, что (см. выше раздел «Двойной смысл...») в тексте фактически значима не одна последовательность фаз, а две – относящиеся к общей истории человека как такового (ИЧ) и истории Эдипа (ИЭ). В частности, здесь проявляет себя столь важный аспект загадки, как ее пророческая функ-

ция [Пимонов, Славутин]¹. Однако из рассуждений, приведенных в разделах «Двойной смысл...» и «Парадокс с числом ног», следует, что у Эдипа двойная самоидентификация: нормальная на основе принадлежности к роду человеческому и аномальная из-за соответствия загадки его индивидуальной судьбе. И здесь проявляет себя острый парадокс. Само соответствие двух уровней идентификации (связанных с общими свойствами человека и индивидуальной судьбой Эдипа) содержит значимую аномалию. Для человека как такового стадии, упомянутые в загадке Сфинги, – это универсальные категории, прохождение через них – это норма. Между тем история Эдипа – это явное нарушение нормы. Он становится жертвой, а затем, пусть невольно, совершает ужасные преступления. Получается, что сначала, в акте разрешения загадки, Эдип доказывает свою собственную включенность в общество людей. Но затем он совершает такие действия (отцеубийство, инцест), которые как раз исключают его из человеческого сообщества. В результате, из-за двойной идентификации, включенность и исключенность по отношению к одному и тому же множеству совмещаются – монструозность проявляет себя здесь еще раз, на более абстрактном уровне.

¹ Хотя в последующей работе точка зрения Пимонова [2019] претерпела изменения.

Сказанное выше приводит на уровне персонажей к еще одному структурному соответствию: Эдип демонстрирует столь же неоднозначную идентификацию, что и Сфинга. Есть также функциональное сходство между ними: через некоторое время после воцарения Эдипа у Фив начинаются новые проблемы (наступление мора) из-за него, как ранее это было из-за Сфинги. Противодействием, прекращающим мор, в первый раз послужила самоидентификация Эдипа как элемента множества людей (избавление от Сфинги), а во второй раз – самоидентификация в рамках индивидуальной истории Эдипа, исключившая его из нормального общества.

В указанном выше смысле Эдип и Сфинга – структурные двойники. Ранее уже делалось [Turner: 47; Аверинцев: 97; Пимонов, Славутин; Славутин, Пимонов: 89] сопоставление между Сфингой и Иокастой, причем через посредство мотива удушения они оказывались двойниками. (К этому добавим, что Сфингу убивает нормальная самоидентификация Эдипа, а Иокасту – его самоидентификация как аномального персонажа.) Теперь можно видеть, что у Сфинги есть еще и другой двойник.

Получается, что Сфинга соотносится с двумя персонажами из семьи Эдипа – самим Эдипом и Иокастой. Возникает вопрос: нет ли еще здесь и связи с Лаем, чтобы замкнуть треугольник (мать – сын – отец)? Как представляется, такая связь действительно

существует. И Сфинга, и Лай выполняют сходную функцию: они оказываются на пути Эдипа в столицу к его будущему царскому (но монструозному) статусу (как это становится ясно лишь в перспективе будущих событий); и их обоих Эдип устраняет. Таким образом, Сфинга не только сама состоит из трех элементов, но и объединяет всех трех членов семьи Эдипа в единое целое.

Троичность проявляет себя в структуре также иначе. Можно выделить следующие эпизоды: 1) протыкание ног Эдипа, 2) его схватка с Лаем, 3) его самоослепление. Тогда первый и третий эпизоды являются вариантами одного и того же (воздействие острого оружия, которое приводит к невозможности ходить). Можно сказать, что по отношению к самому себе в третьем эпизоде Эдип действует так же, как его отец в первом. В результате Эдип как бы сливается со своим отцом, что дает еще один пример сингулярного преобразования – стягивания двух разных персонажей в одну точку. К этому добавляется эпизод 2), в котором удар Лая в сторону Эдипа наносится при помощи раздвоенной на конце палки – аналог ослепления (а, с другой стороны, сама такая палка – это как бы человек с двумя глазами).

Как мы уже подчеркивали выше, сопоставление обеих последовательностей (общей и частной) ведет к сингулярному преобразованию: континуум отображается в отдельные точки. Это соотношение имеет

еще один, семиотический аспект. Свойства человека как общей сущности и свойства индивидуальной судьбы Эдипа соотносятся между собой как концепт и денотат.

Сфинга и проблема самоидентификации

Тернер полагал, что Сфинга совершает символическое детоубийство, препятствуя переходу неудачников из одной поколенческой фазы в другую¹. Эти построения представляются нам неполными и искусственными. Они предполагают, что дать ответы пытались юноши, которые из-за Сфинги так и не смогли обрести зрелость, – однако это произвольное домысливание. Также непонятно, почему символизм разных поколенческих фаз включал в себя (если следовать Тернеру) только одно поколение из трех.

Между тем, тут действует более простое и общее объяснение, вообще не нуждающееся в апелляции к символизму. **От Сфинги погибли те, кто демонстрировал невозможность нормальной самоидентификации.**

В данном контексте это означало, что отгадчик не мог соединить три разных элемента в единое **системное** целое. Но сама Сфинга

как раз представляла собой существо с монструозной структурой, в которой были механически соединены три составляющие. Как только (благодаря Эдипу) происходит адекватная самоидентификация отгадчика, монструозная структура, которая с ней несовместна, не выживает. Один структурный принцип разбивает другой. Иначе говоря, **система торжествует над бессистемностью.**

Точнее, в истории со Сфингой реализуют себя три разных структурных принципа: 1) отсутствие самоидентификации (неверные или отсутствующие ответы отгадчиков), 2) монструозная самоидентификация (реакция Сфинги на эти неудачные попытки, в которой она душит неудачников, реализуя свое имя), 3) нормальная системная самоидентификация (правильный ответ Эдипа). Из двух участников диалога выживает только один, причем это может сделать только тот, кто демонстрирует правильную самоидентификацию.

Эпизод между Сфингой и Эдипом – аналог столкновения Эдипа и Лая на одной дорожке. Только один из двух проходит через критическую точку, тогда как другой гиб-

¹ The Sphinx's riddle, interpreted as a confusion or denial of the normal generational sequence, is thus a direct expression of the Sphinx's intrinsic nature. Those who cannot answer the riddle symbolically fail to assert their ability to pass from one generational phase to the next. Strangling them therefore becomes symbolic infanticide: it chokes off their lives, so to speak, before they have a chance to pass on to the next phase of the life cycle, and thus confirms the symbolic implications of their failure to answer the riddle" [Turner, 1969: 46].

нет. Причем на самом деле пространственных участков в эпизоде со Сфингой тоже три: отрезок до Сфинги, отрезок после и провал, куда вниз бросается Сфинга.

Имя, судьба и идентификация

Как хорошо известно, имя Эдипа означает «пухлоногий», а также связано с мотивом знания (см., напр. [Turner: 54; Пимонов, Славутин; Пимонов 2019б: 74; Пимонов 2020б: 107]), которое он и демонстрирует в словесном поединке со Сфингой. Связь имени с судьбой проявляет себя и в случае Сфинги. Напомним, что само это имя означает «душитель», что, в частности, является одним из оснований для сопоставления Сфинги и Иокасты [Turner: 47; Пимонов, Славутин; Славутин, Пимонов: 89]. Тем самым имя и здесь имеет иконический характер. Мы хотим обратить внимание на то, что у этой иконичности есть оборотная сторона и что имя этого персонажа реализуется не только в объектах его воздействия, но и в судьбе самого этого персонажа. Ведь Сфинга убивала тех, кто неверно отвечал на загадку. После того, как Сфинга слышит от Эдипа правильный ответ на загадку, ей уже некого душить, и разрывается связь между именем и сущностью, происходит деидентификация. А учитывая, что в мифопоэтической традиции имя представляет самого персонажа, функциональное «обнуление» имени означает и гибель

самого персонажа. Что и происходит: Сфинга бросается вниз со скалы.

Динамика предсказания

Данный сюжет обладает скрытой динамикой, связанной со значимостью нереализованных альтернативных вариантов. Когда Эдип оказывается перед Сфингой, для него оба варианта плохи (о чем он, разумеется, не подозревает). Если он проигрывает Сфинге – погибает, если выигрывает – его ждет инцест.

Последствия разгадки связаны со статусом отгадчика – является им обычный человек или Эдип с его аномальной судьбой. В том, что касается третьей фазы, указанной в загадке (хождения на трех ногах, то есть с палкой), предсказание для нормального отгадчика работает только в том случае, если он выживает и получает шанс дожить до старости, где и будет вынужденно пользоваться посохом. Но именно правильный ответ и мог бы сделать третью фазу реальностью. То есть исходные условия «скажи правильно – и тогда (и только тогда) останешься жив» могли реализоваться только таким образом: «сказал правильно – остался жив – подтвердил правильность общего ответа своей индивидуальной судьбой». Что же касается Эдипа, то третья фаза в его судьбе носит совсем другой характер, но тем не менее и она реализуется (хотя и аномальным образом) только в том случае, если Эдип дает правильный ответ: тогда он получает шанс дожить до своего

невольного преступления и самоослепления, из-за которого ему придется ходить на «трех ногах».

Существует понятие самосбывающегося прогноза: предсказание оказывает такое воздействие на реальность (прежде всего, на самого спрашивающего), что это воздействие оправдывает прогноз. Очевидно, что в этом духе сработало предсказание оракула в Дельфах: услышав его, Эдип покинул дом приемных родителей, что и создало предпосылки для дальнейших трагических событий в его жизни. Но аналогичным свойством обладает, как мы видим, и загадка Сфинги. Причем эта закономерность справедлива как в случае правильного ответа со стороны нормально отгадчика (несостоявшийся вариант), так и Эдипа (состоявшийся вариант).

Смерть персонажей, художественное пространство и мотив идентификации

Проблема идентификации имеет еще один аспект, связанный с художественным пространством. В нем существенную роль играет вертикаль. Она проявляет себя как минимум в четырех случаях. 1. Младенца Эдипа с пронзенными ногами пастухи относят на гору Киферон, где он подвергается опасности гибели в соответствии с приказом Лая. 2. При столкновении Эдипа с Лаем тот атакует Эдипа, стоя на колеснице, то есть сверху, и там же получает от Эдипа смертельный удар, в результате которого он с колесни-

цы падает. 3. Сфинга, задающая смертельно опасную загадку, сидит на вершине скалы; получив верный ответ, бросается вниз и разбивается. 4. Иокаста осуществляет самоубийство путем повешения, то есть смерть ее настигает в результате того, что она лишается опоры.

Можно заметить, что **опасность гибели теснейшим образом связана с тем, что субъект лишается возможности нормально использовать опору**. Тем самым функционально «обнуляются» ноги. Но в контексте мифа ноги – существенный элемент правильной идентификации. Это проявляет себя и в загадке Сфинги, и в процессе расследования, которое проводит Эдип, – там рассказ о пронзенных ногах играет существенную роль. Поэтому такое «обнуление» ног – это «обнуление» идентификации. В свою очередь, отсутствие или нарушение адекватной (само)идентификации ведет к катастрофе, включая смерть (о чем уже было сказано выше).

Тем самым **мотив (де)идентификации, пространственная вертикаль и мотив ног / опоры связываются воедино**.

Загадка Сфинги: структурное удвоение

Напомним, что между загадкой Сфинги и судьбой Эдипа есть содержательное соответствие. Об этом писало много авторов (вероятно, начиная с Фрейденберг, по крайней мере если говорить о русскоязычной литературе): [Фрейденберг: 602; Топоров: 356–258; Пимонов, Слаутин; Слаутин, Пимонов: 91,

92]. При этом особый акцент на профетической роли загадки был сделан Пимоновым и Славутиним, которые сравнивали содержание загадки и дальнейшую судьбу Эдипа. Но теперь мы хотим обратить внимание на другой аспект, связанный с загадкой, также носящий профетический характер. Дело в том, что, пытаясь узнать, кто же был преступником, и приближаясь к трагическому узнаванию, **Эдип, по сути, вновь разгадывает загадку, причем опираясь как раз на те моменты в его индивидуальной судьбе, которые в загадке Сфинги относились к человеку как таковому.** Действительно, он узнает от Вестника и Пастуха, что был принесен связанными и пронзенными ногами к Полибу, ставшему приемным отцом (это соответствует четвероногости в загадке). Из слов Иокасты и разговора со слугой он понимает, что именно он был убийцей Лая (фаза жизни, где Эдип был в полной силе и ходил на двух ногах; посохом же воспользовался как оружием). Когда же Эдип прокалывает себе глаза и тем самым переводит в состояние, где ему необходим посох (третья «нога»), он завершает цепь соответствий с загадкой Сфинги. Таким образом, соответствие устанавливается и в целом – между загадкой Сфинги и расследованием, которое проводит Эдип (и которое в конце концов приводит к нему самому).

Подчеркнем, что речь идет о сопоставлении двух разгадок загадки (о человеке как та-

ковом в первом случае и собственной судьбе во втором), а не просто загадки и судьбы. Вполне возможно представить себе сюжет, в котором судьба героя повторила в основных чертах элементы загадки, но при этом он сам никаких загадок, связанных со своей судьбой, больше не разгадывал. Однако в сюжете об Эдипе получается как раз **два** разгадывания судьбоносной загадки. И оказывается, что Эдип решил обе. Только в одном случае разгадка оказалась спасительной, а в другом – разрушительной.

При таком понимании углубляется профетический смысл загадки Сфинги. Если сравнивать загадку и судьбу Эдипа, то «собственно профетический смысл имеет только последняя, третья часть загадки Сфинги, относящаяся к будущему Эдипа, когда он сам себя ослепляет» [Пимонов, Славутин]. Но если сравнивать загадку Сфинги и разгадывание Эдипом собственной тайны, то **профетическим оказывается весь эпизод с загадкой Сфинги!** То есть сравнение здесь должно захватывать не только содержание загадки, но и всю ситуацию, включая действия персонажей (не только семантику, но и прагматику текста): «некто пытается разгадать загадку, разгадка которой относится к нему самому» (как одному из многих в случае Сфинги, в точности одному в случае расследования, которое ведет Эдип). Эпизод со Сфингой (хотя и в косвенной форме) как бы предсказывает последующее развитие сюжета.

Подчеркнем, что в загадке Сфинги правильный ответ был направлен на самого отгадчика, поскольку предполагает опознание им самого себя – точнее, множества, к которому он принадлежит. В этом смысле такая загадка может быть названа рефлексивной¹. При этом неверный ответ означает неудавшуюся самоидентификацию, в результате чего отгадчик как бы перестает принадлежать к множеству людей, а потому ему ничего не остается, как быть из него элиминированным, – и он погибает от агрессии Сфинги.

Во второй загадке, которую разгадывает Эдип (то есть когда он проводит расследование), ответ опять указывает на отгадчика, причем на этот раз даже еще более определенным образом, так как здесь он значим не как элемент множества, а как индивидуум. Поэтому и вторая загадка является рефлексивной. То есть **обе ситуации имеют рефлексивный характер, что является одним из главных оснований для их сопоставления**².

К сказанному выше необходимо добавить оговорку. В трагедии Софокла «Царь Эдип»

загадка Сфинги отсутствует в действии, а расследование, которое ведет Эдип, присутствует как раз только у Софокла. Однако напомним, что предметом нашего рассмотрения является не произведение Софокла само по себе, а условно сконструированный текст, основные элементы которого описаны в разделе «Инвариант и его реализации». Именно по отношению к такому расширенному тексту и справедливо сказанное выше в данном разделе.

Заключение

Таким образом, нами предложена самосогласованная интерпретация, основанная на анализе внутренней структуры мифа и соответствующего сюжета. При этом центральную роль играет мотив идентификации, который реализуется в самых разных элементах сюжета и на разных уровнях абстракции произведения в целом. Так, это касается не только вопроса о поиске Эдипом истории его собственного происхождения и конкретного содержания загадки Сфинги, но и вы-

¹ Ср.: «Существует легенда, согласно которой Эдип, отвечая на загадку Сфинги, поднимал указательный палец и показывал им на себя, давая понять, что речь идет не просто об абстрактном человеке, а о нем самом» [Пимонов 2019 а: 79]. Однако рефлексивный характер загадки сохраняется и в том случае, если понимать его как указание не на сам объект, а на множество, которому он принадлежит.

² То, что Эдип, проводя расследование, разгадывает новую загадку, разумеется, не прошло мимо внимания исследователей. Так, это обстоятельство неоднократно подчеркивает Вернан [Vernan 1978]. Однако в его работе, изобилующей глубокими наблюдениями, систематический анализ структуры отсутствует, в частности не указан рефлексивный характер ситуаций.

бора между двумя интерпретациями этой загадки (о человеке вообще или конкретно об Эдипе?)¹. Можно сказать, что здесь **в самой повествовательной структуре проявляет себя значимая неопределенность как манифестация мотива неясной идентификации.**

Кроме того, в контекст проблемы идентификации вписывается и иконический характер самого имени главного героя, а также имя Сфинги. При этом в сюжете существенно постоянное сопоставление и столкновение нормального и аномального, что приводит к ряду парадоксов.

Глубинной темой мифа оказывается, по нашему мнению, набор категорий столь высокой степени абстракции, что привязка к конкретным социально-историческим условиям становится неправомерной или, по крайней мере, второстепенной. Как и положено фундаментальному мифу, он повествует об основах мира, месте человека в нем и тех следствиях, которые имеют нарушения соответствующих закономерностей. Также напомним то простое, но важное соображение, что изображение аномалий не может быть исторически достоверным отображением нормы [Левинтон 1987]. Тем самым с двух разных сторон приходим к выводу, что данный миф не может быть от-

ражением конкретной исторической или социальной реальности.

Проблема идентификации реализуется в данном мифе на языке тернарной структуры и ее деформаций, описываемых сингулярными преобразованиями и стягиваниями трех элементов в два или один; она также проявляет себя в логических парадоксах. С помощью этих средств мотив инцеста получает формализованное описание при помощи простого математического метаязыка.

Автор благодарит В.И. Пимонова за стимулирующее обсуждение и множество полезных замечаний.

Литература

Аверинцев, С.С. К истолкованию символики мифа об Эдипе // *Античность и современность* / под ред. М.Е. Грабарь-Пассек, М.Л. Гаспарова, Т.И. Кузнецовой. М.: Наука, 1972. С. 90–102.

Аполлодор. Мифологическая библиотека / пер. В.Г. Боруховича. Л.: Наука, 1972.

Гомер. Одиссея. Литературные памятники / пер. В.А. Жуковского. М.: Наука, 2000.

Гигин. Мифы / пер. с лат. Д. Торшилова; под общ. ред. А.А. Тахо-Годи. СПб.: Алетейя, 2017.

¹ Соответственно, если отказать загадке Сфинги в соответствии обеих историй (общей и индивидуальной), это существенно обеднило бы смысл текста.

Диодор Сицилийский. Греческая мифология / пер. с др.-греч. О.П. Цыбенко. М.: Лабиринт, 2000.

Иванов, В.В., Топоров, В.Н. Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных текстах // Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти Владимира Яковлевича Проппа / сост. Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975. С. 44–76.

Леви-Стросс, К. Структура мифов // Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с фр. В.В. Иванова. М.: Наука, 1983. С.183–207.

Левинтон, Г.А. К проблеме изучения повествовательного фольклора // Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти Владимира Яковлевича Проппа / сост. Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975. С. 303–319.

Левинтон, Г.А. Инцест // Мифы народов мира. Т. 1. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. Энциклопедия, 1987. С. 545–547.

Лотман, Ю.М. О редукции и развертывании знаковых систем (К проблеме «фрейдизм и семиотическая культурология») // Избранные статьи в 3 томах. Таллин. «Александра», 1992. Т. 1. С. 381–385.

Мелетинский, Е.М. Об архетипе инцеста в фольклорной традиции (особенно в героическом мифе) // Фольклор и этнография.

У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов / под ред. Б.Н. Путилова. Л.: Наука, 1984. С. 57–62.

Пимонов, В.И. Загадка Сфинги в мифе об Эдипе: мотив лошади как предвестие судьбы героя // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки». 2020а. № 22(70). С. 62–73.

Пимонов, В.И. Пророческая роль имени героя в мифе об Эдипе // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки». 2020б. № 22(73). С. 106–110.

Пимонов, В.И. Разгадал ли Эдип загадку Сфинги? // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки». 2019б. № 21(66). С. 71–78.

Пимонов, В.И. Эдип и загадка Сфинги: анатомия стопы // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки». 2019а. № 21(64). С. 76–81.

Пимонов, В.И., Славутин, Е.И. Загадка мифа об Эдипе // Вестник Европы. Журнал европейской культуры. 2011. № 31–32. С. 289–293.

Пропп, В.Я. Эдип в свете фольклора // Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. С. 258–299.

Славутин, Е.И., Пимонов В.И. Структура сюжета. М.: Флинта, 2018.

Софокл. Драмы / пер. Ф.Ф. Зелинского; изд. подготовили М.Л. Гаспаров и В.Н. Ярхо. М.: Наука, 1990.

Софокл. Эдип в Колоне / пер. С.В. Шервинского // Софокл. Трагедии. М.: Художественная литература, 1988. С. 93–172.

Софокл. Эдип-царь / пер. С.В. Шервинского // Античная драма / сост. С. Апт. М.: Художественная литература, 1970. С. 119–178.

Топоров, В.Н. О структуре «Царя Эдипа» Софокла // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текст / сост. и отв. ред. Т.М. Судник, Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1977. С. 256–258.

Фрейденберг, О.М. Миф и литература древности. М.: Изд. Фирма «Восточная литература» РАН, 1998.

Эсхил. Трагедии / пер. В. Иванова. М.: Наука, 1989.

Catenaccio, C. (2012) Oedipus tyrannus: the riddle of the feet. *The Classical Outlook*, 89, 4, 102–107.

Edmunds, L. (1995). The Sphinx in the Oedipus legend. In L. Edmunds, & A. Dundes (Eds.), *Oedipus. A folklore casebook*. Madison: The University of Wisconsin Press, 147–173.

Turner, T.S. (1969). Oedipus: time and structure in narrative form. In forms of symbolic action. In R.F. Spencer (Ed.), *Proceedings of the 1969 Annual Spring Meeting of the American Ethnological Society*. Seattle and London: University of Washington Press, 26–68.

Vernant, J.P. (1978). Ambiguity and reversal: on the enigmatic structure of Oedipus Rex. *Rethoric I: Rethorical Analysis*, 9(3), 475–501.

References

Aeschylus. (1989). *Tragedies* (V. Ivanov, Trans). Moscow: Nauka.

Apollodor. (1972). *Mifologicheskaya biblioteka* [Mythological library] (V.G. Borukhovich, Trans.). Leningrad: Nauka.

Averintsev, S.S. (1972). K istolkovanii simvoliki mifa ob Edipe [On the interpretation of myth about Oedipus]. In M.E. Grabar'-Passek, M.L. Gasparov, & T.I. Kuznetsova (Eds.), *Antichnost' i sovremennost'* [Antiquity and modernity]. Moscow: Nauka, 90–102.

Catenaccio, C. (2012) Oedipus tyrannus: the riddle of the feet. *The Classical Outlook*, 89, 4, 102–107.

Diodorus Siculus. (2000). *Grecheskaya mifologiya* [Greek mythology] (O.P. Cybenko, Trans.). Moscow: Labirint.

Edmunds, L. (1995). The Sphinx in the Oedipus legend. In L. Edmunds, & A. Dundes (Eds.), *Oedipus. A folklore casebook*. Madison: The University of Wisconsin Press, 147–173.

Freidenberg, O.M. (1998) *Mif i literatura drevnosti* [Myth and literature of antiquity]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN.

Gigin. (2017). *Myths* (D. Torshilova, Trans.). St. Petersburg: Aleteya.

Homer. (2000). *Odyssey* (V.A. Zhukovskiy, Trans.). Moscow: Nauka.

Ivanov, V.V., & Toporov, V.N. (1975). Invariant i transformatsii v mifologicheskikh i fol'klornykh tekstakh [Invariant and transformations in mythological and folklore texts]. In E.M. Meletynsky, & S.Yu. Neklyudov (Eds.), *Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru. Sbornik statey pamyati Vladimira Yakovlevicha Proppa* [Typological studies in folklore. Collection of works in memory of Vladymir Yakovlevich Propp]. Moscow: Nauka, 44–76.

Lévi-Strauss, C. (1983). Struktura mifov [Structure of myths]. In C. Lévi-Strauss, *Anthropologie structurale* [Structural anthropology] (V.V. Ivanov, Trans.). Moscow: Nauka, 183–207.

Levinton, G.A. (1975). K probleme izucheniya povestvovatel'nogo fol'klora [On the problem of studying narrative folklore]. In E.M. Meletynsky, & S.Yu. Neklyudov (Eds.), *Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru. Sbornik statey pamyati Vladimira Yakovlevicha Proppa* [Typological studies in folklore. Collection of works in memory of Vladymir Yakovlevich Propp]. Moscow: Nauka, 303–319.

Levinton, G.A. (1987). Incest. In S.A. Tokarev (Ed.), *Mify narodov mira* [Myths of the people of the world] (Vol.1). Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 545–547.

Lotman, Yu.M. (1992). O reduksii i razvertyvanii znakovykh sistem (K probleme “freidizm i semioticheskaya kul'turologiya”) [On reduction and unfolding sign systems (On the problem of “Freudianism and Semiotic

Culturology”)]. In Yu.M. Lotman, *Izbrannye stat'i v 3 tomakh. Tom 1* [Selected papers in 3 volumes (Vol. 1)]. Tallin: Aleksandra, 381–385.

Meletinskiy, E.M. (1984). Ob arkhetipe incesta v fol'klornoj traditsii (osobeno v geroicheskom mife) [On archetype of incest in folklore tradition (especially in heroic myth)]. In B.N. Poutilov (Ed.), *Fol'klor i etnografija. U etnograficheskikh istokov fol'klornykh sjuzhetov obrazov* [Folklore and ethnography. By ethnographic origins of folklore plots and images]. Leningrad: Nauka. 57–62.

Pimonov, V.I. (2019 a). Edip i zagadka Sfingi: anatomiya stopy [Oedipus and the riddle of the Sphinx: anatomy of the foot]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nyë, gumanitarnyë, mediko-biologicheskie nauki* [Izvestiya of the Samara Russian Academy of Sciences scientific center. Social, humanitarian, medicobiological sciences], 21(64), 76–81.

Pimonov, V.I. (2020b) Profeticheskaja rol' imeni geroja v mife ob Jedipe. [Prophetic role of a hero's name in the Oedipus myth]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nyë, gumanitarnyë, mediko-biologicheskie nauki* [Izvestiya of the Samara Russian Academy of Sciences scientific center. Social, humanitarian, medicobiological sciences], 22(73), 106–110.

Pimonov, V.I. (2019 b). Razgalal li Jedip zagadku Sfingi? [Did Oedipus actually solve

the riddle of the Sphinx?]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nyĕ, gumanitarnĕ, mediko-biologicheskie nauki* [Izvestiya of the Samara Russian Academy of Sciences scientific center. Social, humanitarian, medicobiological sciences], 21(66), 71–78.

Pimonov, V.I. (2020a). Zagadka Sfingi v mife ob Jedipe: motiv loshadi kak predvestie sud'by geroya [The riddle of Sphinga in the myth of Oedipus: horse motif as a harbinger of the hero's fate)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nyĕ, gumanitarnyĕ, mediko-biologicheskie nauki* [Izvestiya of the Samara Russian Academy of Sciences scientific center. Social, humanitarian, medicobiological sciences], 22(70), 62–74.

Pimonov, V.I., & Slavutin, V.I. (2011). Zagadka mifa ob Edipe [The mystery of the Oedipus myth]. *Vestnik Evropy* [Herald of Europe], 31–32, 289–293.

Propp, V.Ya. (1976). Edip v svete fol'klora [Oedipus in the light of folklore]. In V.Ya. Propp, *Fol'klor i dejstvitel'nost'* [Folklore and reality.] Moscow: Nauka, 258–299.

Slavutin, E.I., & Pimonov, V.I. (2018). *Struktura syuzheta* [Structure of plot]. Moscow: Flinta.

Sophocles. (1990). *Dramy* [Dramas] (F.F. Zelinsky, Trans). Moscow: Nauka.

Sophocles. (1970). Edip-tsar' [Oedipus the king] (S.V. Shervinskiy, Trans). In S. Apt (Ed.), *Antichnaya drama* [Antique drama]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 119–178.

Sophocles. (1988). Edip v Kolone [Oedipus at Colonus.] (S.V. Shervinskiy, Trans). In Sophocles, *Tragedii* [Tragedies]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 93–172.

Toporov, V.N. (1977). O strukture "Tsarya Edipa" Sofokla [On the structure of "Oedipus Rex" by Sophocles]. In T.M. Soudnik, & T.V. Tsivyan (Eds.), *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Karpato-vostochnoslavjanskije paralleli. Struktura balkanskogo teksta* [Slavic and Balkan linguistics. Carpathian East-Slavic parallels. Structure of Balkan text.]. Moscow: Nauka, 256–258.

Turner, T.S. (1969). Oedipus: time and structure in narrative form. In forms of symbolic action. In R.F. Spencer (Ed.), *Proceedings of the 1969 Annual Spring Meeting of the American Ethnological Society*. Seattle and London: University of Washington Press), 26–68.

Vernant, J.P. (1978). Ambiguity and reversal: on the enigmatic structure of Oedipus Rex. *Rethoric I: Rethorical Analysis*, 9(3), 475–501.

OEDIPUS PLOT: PARADOXES OF IDENTIFICATION

Oleg B. Zaslavskii (Zaslavsky), Doctor of Physical and Mathematical Sciences, senior scientific researcher; leading researcher, Kharkov National University named after V.N. Karazin, Kharkov, Ukraine; e-mail: zaslav@ukr.net.

Abstract. This article deals with the plot structure of the Oedipus myth. From the set of known sources we select a series of elements that form a plot representing an object of our analysis.

The author takes into account the following elements: 1) piercing of Oedipus's ankles and the subsequent displacement of Oedipus to the mountain Cithaeron, 2) the deadly clash between Oedipus and Laius, 3) the riddle of the Sphinx and the Oedipus's answer, 4) the suicide of the Sphinx, 5) the accession of Oedipus to the throne in Thebes, 6) Oedipus's discovery of his own origins, 7) the suicide of Jocasta, 8) the self-blinding of Oedipus. In the plot there is a series of correspondences related to the number 3. In the riddle of the Sphinx that Oedipus solves, 3 stages of human life are indicated: infancy, maturity, old age. In the Sphinx, 3 components are integrated in one whole: "man + lion + bird". Oedipus commits murder in the point where 3 roads meet. It is shown that incest and clash with the unrecognized father are expressed in the myth in the framework of such a ternary structure. The relevant elements that normally are separated from each other, merge in one point that is nothing else than a singular transformation. The other cases consist in mapping a common human history (that is continual by its very meaning) to a discrete sequence of three phases in an individual story of Oedipus. We also discuss some aspects of the Sphinx riddle that were not given a proper attention before. The feature with respect to which different stages of human life are classified, is related to legs. In turn, this motif is correlated with the presence or absence of footing. Deprivation of it is acts as a source of danger. In turn, this motif is correlated with the presence or absence of footing. Deprivation of it is acts as a source of danger. Both the contents of the riddle and the process of asking and guessing can be correlated with further investigation carried out by Oedipus.

Key words: Oedipus myth, structure, plot, plot invariant.

